

Лев Николаевич Толстой. Записки маркера

Рассказ. (1853-1855)

Так часу в третьем было дело. Играли господа: гость большой (так его наши прозвали), князь был (что с ним все ездит), усатый барин тоже был, гусар маленький, Оливер, что в актерах был, Пан были. Народу было порядочно.

Гость большой с князем играли. Только вот я себе с машинкой круг бильярда похаживаю, считаю: девять и сорок восемь, двенадцать и сорок восемь. Известно, наше дело маркерское: у тебя еще во рту куска не было, и не спал-то ты две ночи, а все знай покрикивай да шары вынимай. Считаю себе, смотрю: новый барин какой-то в дверь вошел, посмотрел, посмотрел да и сел на диванчик. Хорошо.

"Кто, мол, это такой будет? из каких, то есть", думаю про себя.

Одет чисто, уж так чисто, что как с иголки все платье на нем: брюки триковые клетчатые, сюртучок модный, коротенький, жилет плюшевый и цепь золотая, а на ней всякие штучки висят.

Одет чисто, а уж из себя еще того чище: тонкий, высокий, волосы завиты наперед, по-модному, и с лица белый, румяный, - ну, сказать, молодец.

Оно известно, наше дело такое, что народу всякого видим; и самого что ни есть важного, и дряни-то много бывает, так все хотя и маркер, а к людям прировнившись, то есть, в том разе, что в политике-то кое-что смыслишь.

Посмотрел я на барина, - вижу, сидит тихо, ни с кем не знаком, и платье-то на нем новехонько; думаю себе: али из иностранцев, англичан будет, али ив графов каких приезжих. И даром что молодой, вид имеет в себе. Подле него Оливер сидел, так посторонился даже.

Кончили партию. Большой проиграл, кричит на меня:

- Ты, - говорит, - все врешь: не так считаешь, по сторонам смотришь.

Бранится, кий шваркнул и ушел. Вот поди ты! По вечерам с князем по пятидесяти целковых партию играют, а тут бутылку макону проиграл и сам не в себе. Уж такой характер! Другой раз до двух часов играют с князем, денег в лузу не кладут, и уж знаю, денег нет ни у того, ни у другого, а все форсят:

- Идет, - говорит, - от двадцати пяти угол?

- Идет!

Зевни только али шара не так поставь - ведь не каменный человек! - так еще норовит в морду заехать.

- Не на щепки, - говорит, - играют, а на деньги.

Уж этот пуще всех меня донимает.

Ну, хорошо. Только князь и говорит новому барину-то, как большой ушел:

- Не угодно ли, - говорит, - со мной сыграть?

- С удовольствием, говорит.

Сидел он, так таким фофаном смотрит, что ну! Куражный то есть из себя; ну, а как встал, подошел к бильярду, и не то: заробел. Заробел, не заробел, а видно, что уж не в своем духе. В платье, что ли, в новом неловко, али боится, что смотрят все на него, только уж форцу того нет. Ходит боком как-то, карманом за лузы цепляет, станет кий мелить - мел уронит. Где бы и сделал шара, так все оглядывается да краснеет. Не то, что князь: тот уж привык - намелит, намелит себе руку, рукава засучит, да как пойдет садить, так лузы трещат, даром что маленький.

Сыграли две ли три партии, уж не помню, князь кий положил, говорит:

- Позвольте узнать, как ваша фамилия?

- Нехлюдов, - говорит.

- Ваш, - говорит, - батюшка корпусом командовал?

- Да, - говорит.

Тут по-французски что-то часто заговорили; уж я не понял. Должно, все родство вспоминали.

- А ревуар, - говорит князь: - очень рад с вами познакомиться.

Вымыл руки и ушел кушать; а тот стоит с кием у бильярда, шарики поталкивает.

Наше дело, известно, с новым человеком что грубей быть, то лучше: я взял шары да и собираю. Он покраснел, говорит:

- Можно еще сыграть?

- Известно, - говорю, - на то бильярд стоит, чтоб играть. А сам на него не смотрю, кии уставляю.

- Хочешь со мной играть?

- Извольте, - говорю, - сударь!